

Шестнадцатое число двенадцатого месяца.

Семья Чжоу отправила к невесте сваху, чтобы официально просить руки. Фан Вэньли, будучи свидетелем их зародившихся чувств, отправился вместе с ними.

Обе семьи уже давно всё обсудили между собой, так что помолвка была делом решённым. Вместе со свахой Чжоу прислали и полагающиеся дары: выделанные звериные шкуры и пару диких гусей.

Согласно обычаю, сваха, держа в руках гуся, осведомилась об имени гээра, а также о годе, месяце, дне и часе его рождения, чтобы передать эти сведения в дом мужчины для гадания о благосклонности небес. Семья Цинь вручила ей заранее подготовленный гороскоп Цинь Чжу, бережно обёрнутый красной бумагой.

Сваха, сияя от радости, приняла подношение и откланялась. У Фан Вэньли более не оставалось причин задерживаться, и он решил уйти вместе со всеми.

Когда процессия выбралась на главную дорогу, до слуха гостей донеслись мерные удары мотыги — кто-то трудился неподалёку. Фан Вэньли сразу заметил в бамбуковой роще знакомую фигуру, и ноги его невольно замедлили шаг.

Сваха бросила на него понимающий взгляд, лишь лукаво улыбнувшись. Сегодня она хлопотала по поручению семьи Чжоу, но не прочь была поспособствовать и этому другу их старшего сына. Однако за весь путь мужчина ни словом не обмолвился о своих намерениях, со всей серьёзностью исполняя роль представителя стороны жениха, так что она и не знала, с какого бока подступить к разговору.

А тут сама судьба распорядилась: на выходе из деревни встретить того, кто мил сердцу. Сваха не стала его окликать и увела за собой людей с дарами.

Бамбуковых рощ в округе было великое множество; они плотным кольцом охватывали деревню. Хоть на первый взгляд казалось, что заросли ничьи, на деле у каждого клочка земли был свой хозяин.

Тао Циньюй рассудил, что перед праздниками цены на всё поднимутся. Пока выдалось свободное время, он решил накопать зимних побегов бамбука — их можно будет выгодно продать вместе с рыбой и выручить лишние несколько десятков монет.

Он завёл братьев в самую дальнюю часть рощи, и удача не заставила себя ждать: из земли

показался пухлый, крепкий побег. Юноша ловко подцепил его и не глядя бросил за спину в корзину.

Раздался глухой стук. Бросок оказался неточным — росток ударился о край, вывалился и покатился вниз по склону. Он уже собрался было бежать вдогонку, как вдруг увидел, что добыча оказалась в чьих-то руках.

Пальцы незнакомца, длинные и изящные, казались чище самого нефрита. Тонкие жилки на тыльной стороне ладони едва проступали под бледной кожей, придавая жесту какую-то необъяснимую, притягательную силу. На миг Цинъюй замер, не в силах отвести взгляд.

Впрочем, вспомнив, что этот увесистый побег стоит добрых несколько медяков, юноша тут же тряхнул головой и пришёл в себя.

— Это я только что выкопал, — заявил он.

Фан Вэньли, видя, как ревностно гээр оберегает свою добычу, не смог сдержать улыбки.

— Я его подобрал, значит, он мой, — неторопливо проговорил он.

— Да как вы можете... Учитель Фан?!

Мужчина поднялся по склону, и Цинъюй наконец разглядел его лицо. Фан Вэньли одарил его мягким взглядом и аккуратно опустил побег в корзину.

— Хозяин Сяо Юй.

— ...Что Учитель Фан здесь делает?

«Почему я натыкаюсь на вас на каждом шагу?»

Фан Вэньли отряхнул руки от земли.

— Семья Чжоу просила меня о помощи.

— Это из-за помолвки А Чжу?

— Да.

— Но если вы пришли по делу, то как оказались в бамбуковой роще?

— Увидел тебя и решил подойти.

— А как же дела?

— Уже закончил.

Они перебрасывались фразами легко и непринуждённо. Учитель стоял чуть ниже по склону, и ему впервые выпала возможность смотреть в глаза гээру, не задирая головы. Лицо Цинъюя раскраснелось от работы, губы были плотно сжаты, а взгляд беспокойно метался — похоже, слова у него закончились.

Фан Вэньли не хотел ставить его в неловкое положение. Он уже собирался заговорить о чём-то другом, как вдруг один из малышей звонко выкрикнул:

— Ой! Гэфу!

Цинъюя бросил свою маленькую мотыгу и во весь дух помчался к учителю. Он бежал, забавно пошатываясь, и, добравшись до цели, без малейшего стеснения обхватил Фан Вэньли за ногу.

Остальные братья, услышав крик, разом обернулись.

— Учитель Фан пришёл.

— И зачем?

— Да ясно зачем — на нашего Сяо Юй-гэ поглядеть.

Цинмяо почесал в затылке.

— Он ведь просил нас спросить у брата, не пойдёт ли тот за него?

Цинцзя убрал его грязную руку от головы.

— Не переживай, Цинъюя и так всё выложит.

И точно: стоило ему договорить, как раздался тонкий, радостный голосок:

— Гэфу! Брат сказал, что сам за тебя не пойдёт, но не прочь взять тебя в наш дом мужем!

Звонкое эхо разнеслось под сводами бамбукового леса. Фан Вэньли перевёл взгляд на онемевшего от ужаса Цинъюя и, едва заметно прикрыв глаза, тихо рассмеялся.

— Вот как? Не шутишь?

— Чистая правда! Правда-правда, брат сам ска... м-м-м!

— Тише ты, наказание моё!

Цинъюй готов был сквозь землю провалиться от стыда. Он подскочил к брату и зажал ему рот рукой.

Фан Вэньли впервые позволил себе осторожно коснуться пальцем пухлой, розовой щеки малыша.

— Стать примаком... что ж, я не против.

— Учитель Фан! О чём вы только говорите?! — вскричал Цинъюй, окончательно теряя самообладание.

В глазах мужчины на миг промелькнуло разочарование, но он лишь мягко улыбнулся:

— Я пошутил.

Хоть предложение и не было принято всерьёз, следовало приучать гээра к этой мысли заранее.

— Тебе помочь?

— Да где уж вам, такому почтенному господину, мараться.

Сердце Цинъюя пустилось вскачь.

«Знал бы я, к чему приведут мои слова в таверне, ни за что бы не ответил этому сорванцу. Настоящий маленький глашатай: что ни услышит, на весь свет растрезвонит»

Фан Вэньли понимал, что долгое пребывание наедине с гээром в лесу может породить дурные толки. Как ни жаль было уходить, он произнёс:

— Раз помощь не нужна, я пойду. Но за побегами обязательно загляну в лавку.

— Идите-идите, — замахал руками Цинъюй, спеша выпроводить гостя.

Осознав, что его прогоняют, Фан Вэньли помрачнел.

— До свидания, Учитель Фан, — спохватился Цинъюй.

Вспыхнувший в глазах мужчины свет мгновенно разогнал тени. Он ответил:

— До свидания, Хозяин Сяо Юй.

С этими словами учитель наконец скрылся из виду.

— Брат, надо было пригласить гостя в дом, чаем напоить! — Цинъя в сердцах топнул ногой.

Цинъюй обхватил его лицо ладонями и слегка сжал:

— Кто тебя научил так его называть? И зачем ты всё это выболтал! Ну что за язык у тебя такой длинный!

— Я... я больше не буду, — пролепетал Цинъя, пытаясь высвободиться.

— Поздно каяться.

Цинъюй отпустил мальчишку, чувствуя во всём теле какую-то странную, неприятную колкость, словно по нему ползали гусеницы. Он принялся яростно копать землю, и вскоре корзина наполнилась наполовину. Среди выкорчеванных корней он даже наткнулся на спящую змею.

— Всё, домой!

— У-у...

Дети, почуяв, что старший брат не в духе, покорно поплелись следом. Возвращаясь по тропинке, они внезапно увидели супругов Ю, выходящих из другой части леса. Цинъюй резко остановился.

— Тсс...

Цинцзя тут же схватил младших за руки и спрятался за спину брата.

— Брат, ты чего? — шепотом спросил Цинъя.

— Циншу, забирай корзину с побегами и веди мелких домой.

— Я останусь с тобой, — возразил Циншу.

— Хорошо, тогда сначала проследи, чтобы они ушли.

Циншу кивнул, и вскоре малыши скрылись за поворотом. Цинъюй проводил взглядом чету Ю, которая кралась к своему дому задом, и, поудобнее перехватив мешок, бесшумно последовал за ними. Когда соседи скрылись за дверью, к нему подошёл брат.

— Брат, кидай её туда.

— Змею?

— Она не ядовитая. Пусть считают это нашим подарком.

Циншу не впервой было участвовать в проказах брата. Почувствовав, как в мешке зашевелилось чешуйчатое тело, он сглотнул, после чего осторожно взобрался на камни и через щель в кровле выпустил добычу внутрь.

Змея скользнула вниз и упала напрямик на одеяло супругов. Циншу приник к щели, жадно вглядываясь в темноту.

— Ну что там? Ползёт? — едва слышно прошептал Цинъюй.

Змея, то ли оглушённая падением, то ли не до конца очнувшаяся от зимнего сна, помедлила мгновение, а затем пришла в движение.

— Поползла.

Циншу спрыгнул на землю, потирая покрывшиеся мурашками руки.

— Под одеяло залезла.

Цинъюй довольно усмехнулся и поманил брата за собой. Домой они возвращались в приподнятом настроении, предвкушая знатную заваруху за стеной. Однако стоило им переступить порог, как Цинъюй увидел Цинъю на коленях у Младшего папочки. Мальчишка с упоением выкладывал всё: и случай в мануфактуре, и нынешнюю встречу в лесу. Голосок у него был нежный, медовый — заслушаешься.

Вот только Цинъюю от этого щебета стало не по себе. Он прижал ладонь ко лбу и уже хотел было потихоньку ускользнуть обратно на улицу, как Фан У его окликнул.

Дедушка с бабушкой тоже не сводили с него глаз. Дядя хоть и помалкивали, но в их взглядах так и плясало любопытство. Цинъюю ничего не оставалось, кроме как войти в комнату. Шаги его были тяжёлыми, словно к ногам привязали гири.

— Младший папочка, вы что-то хотели?

Фан У взял его за руку и усадил рядом с собой.

— Скажи-ка мне, наш Цинъя ведь честный ребёнок, верно?

Цинъюю уныло вздохнул:

— Верно...

Разве мог он сказать иначе в присутствии родителей сорванца?

— Значит, всё, что он только что рассказал — чистая правда.

Голос Младшего папочки звучал подозрительно ласково. Цинъюю стало совсем не по себе.

— Ну... он же маленький ещё, многого не понимает. Нельзя же всему верить, так ведь?

Фан У, заметив, как гээр прячет глаза, внезапно спросил:

— Учитель Фан красивый?

— Красивый... то есть, обычный, — юноша чуть не прикусил язык.

— О-о...

— Папочка! Ну хватит уже «окать», мне и так не по себе.

— Раз он учитель, значит, человек учёный, и положение у него достойное, — продолжал Фан У.

— Лицом пригож, раз тебе по сердцу пришёлся. Я не из тех, кто станет мешать чужому счастью. Скажи только одно: каков он нравом?

В комнате воцарилась тишина — все домочадцы наострили уши. Цинъюй лишь беспомощно хмыкнул.

— Младший папочка, всё совсем не так, как вы думаете.

— Неужели?

Фан У прожил долгую жизнь и прекрасно понимал, что означает, когда мужчина раз за разом ищет встречи с гээром. Вот только его собственный ребёнок, кажется, совершенно не понимал, что к чему. От этой мысли на сердце у отца стало тревожно.

— Как бы там ни было, ответь на мой вопрос: каков он нравом?

Остальные старшие согласно закивали. Доброе имя и характер значили куда больше богатства. Тао Далан много раз видел Фан Вэньли, и теперь, глядя на своего фулана, он словно прозрел. Вспоминая их встречи, он осознал — учитель смотрел на его сына точно так же, как он сам смотрел на своего фулана перед свадьбой. Чувства можно скрыть, но взгляд всегда выдаёт правду.

А что же его сын? Мил ли ему этот человек?

Цинъюй понимал, что один против всех не сдюжит. Он бросил умоляющий взгляд на отца, но тот лишь смотрел на него со своим обычным добродушным спокойствием. В конце концов Цинъюй спрятал руки в рукава и честно ответил:

— Контакт не велик, но человек он, кажется, достойный.

— Я ответил? Теперь можно идти?

Фан У улыбнулся, и мелкие морщинки в уголках его глаз придали лицу необычайно нежное выражение. Он ласково погладил сына по волосам:

— Я всё узнал.

Цинъюю же почудилось, что он сказал:

«Я доволен»

И как теперь из всего этого выпутываться?

<http://bllate.org/book/15858/1442028>